

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О Ф. Н. ТЮТРЮМОВОЙ

из записок Т. А. Никольской

Я окончила общеобразовательную школу, музтехникум, политехнический институт, университет марксизма — ленинизма... 15 лет я была в методической комиссии вуза, где передо мной проходили педагоги и лекторы и я давала им оценки. И вот, среди этого педагогического окружения, на закате дней своих, я поняла, что только к единицам из них сохранилось мое глубокое уважение. Мне вспоминается один педагог из пединститута Н. В. Сапожникова, кстати, не имевшая высшего образования, которая как — то сказала мне: «Надо, чтобы студент не только уважал тебя, надо, чтобы студент любил тебя». Уважал и любил! Вот это то, что я испытывала только к двум — трем своим педагогам и первой среди них была Фофочка, как мы ее любовно называли — Феофания Николаевна Тютрюмова.

Как же она умела распекать нас за невыученный урок! Нет, она никогда не повышала голоса, и я не помню, что она говорила, но говорила тихо, как-то проникновенно, а у нас текли слезы... Да, да — и у девочек и у мальчиков. Как же боялись мы идти к ней с невыученным уроком! Что греха таить, мы пропускали иногда занятия, если чувствовали себя неподготовленными.

В наших программах по специальности совершенно естественным был раздел из произведений советских композиторов. Однажды нам с Людой Полонской был дан концерт С. Прокофьева (в 4 руки). Пытались играть. *Fortissimo, presto, dissonans...* Выходили из класса отупевшие, не переварившие этой какофонии звуков. А пока играли, за нашими спинами стояли Феофания Николаевна, Яков Соломонович Медлин и Евгений Николаевич Корчинский и улыбались. Мы понимали, что этот концерт они слышат впервые. Однажды я играла, теперь очень попутчный, этюд Скрябина. За спиной стояли Фофочка и Левка Степанов (выражаясь на нашем тогдашнем языке). Я очень волновалась — этюд трудный: каскад октав! Фофочка тихо бросает: «Интересно написано». «Ага», — отвечает Левка. Только через много лет я поняла, что этот этюд она слышала впервые, впервые дала мне для самостоятельной проработки как произведение современного композитора. Сколько же надо было пересмотреть музыкальной литературы самой, чтобы из нее выбрать лучшее и приобщить к этому новому ученика.

Ох, как трудно тогда приходилось преподавателям! Был сложный период... На Чайковского косились — пессимист, упадничество. Рахманинов и Скрябин — эмигранты, их не рекомендовали исполнять. Однако допускались на сцену низкопробные «Кирпичики», «Беспризорники», «Рельсы» Дешовова, о котором Медлин, грустно покачав головой, промолвил: «Ничего не скажешь, Дешовов — дешевка».

В техникуме был какой — то вечер. Начинаться он должен был с «Интернационала». Играла я. Помню, что играла свободно, уверенно, с подъемом. Закончила, вышла со сцены; тут кто — то бросил мне на ходу: — Фофочка сказала: «Хорошо Таня сыграла».

Это была высшая награда и она запомнилась на всю жизнь!

Еще один вечер в техникуме, обычный, студенческий. Играла Надя Спейт. Сыграв, что положено, Надя сошла со сцены и пошла в соседнюю комнату. Стоявшая там Феофания Николаевна подошла к ней, молча взяла обеими руками за голову и поцеловала. Скупа была на поощрения Тютрюмова, и это молчаливое признание успеха было понятно всем. Такие минуты и секунды не забываются!

Однако, необходим еще один штрих к портрету Феофании Николаевны. Однажды Леля С. не выучила урок и получила от Феофании Николаевны положенную проборку. Леля собралась уходить, но Тютрюмова вдруг почувствовала, что ее слова пролетели мимо Лелиного сознания. Тогда она схватила еще лежавшие на столе Лелины ноты и запустила их в нее! Правда, ноты пролетели мимо Лели и попали в открывавшего в этот момент дверь Искандара Ешукова, но уж это все Леля запомнила крепко: сумела-таки Фофочка заставить запомнить этот невыученный урок.

Все крупные артисты, выезжавшие на гастроли в Сибирь, никогда не миновали Томска. Томск считался музыкальным городом, где концерты проходили с аншлагом. Мы, тютрюмовцы, ходили на все концерты гастролеров. Не пойти было нельзя, знали, что завтра Фофочка будет спрашивать тебя о концерте. Сказать, что не была и получить уничтожающий взгляд-вопрос — «Как это не была?» — было невозможно! Да и как можно было упустить случай послушать хорошую музыку, расширить свой кругозор?! Именно к этому стремилась и Феофания Николаевна.

Например, она вдруг могла дать нам задание написать мелодию. Для нас это было безумно трудно и мы бились над этими несколькими тактами. Вот только не пойму, почему она не пояснила, что каждая сказанная фраза — это уже мелодия, и

она может быть сказана с различной интонацией. Иногда у нас организовывались дополнительные занятия по слушанию музыки (обычно по субботам). Тютрюмова садилась за рояль и что-нибудь играла. Студенты должны были рассказать, что это — танец, раздумье, марш, повествование или трагедия, рассказать о характере произведения, о том, как восприняли эту музыку. Мы знаем современные занятия со школьниками Д. Б. Кабалевского. Наши занятия по слушанию музыки с Феофанией Николаевной проходили примерно так же, только это было на 50 лет раньше, чем об этом начал говорить Кабалевский.

Феофания Николаевна организовала у себя в классе издание «Музыкального журнала», считая, что мало изучать историю музыки по программе, надо нас самих заставить мыслить, давать отзывы на исполнение произведений своими товарищами и приезжающими концертантами. Кроме того — углублять и стимулировать познание литературы, посвященной вопросам музыки. Для этих же целей по инициативе Феофании Николаевны в музтехникуме был организован «Нотный кооператив». Мне было предложено заняться этим кооперативом. Основной задачей было следить за издаваемой и выходящей в свет музыкальной литературой, выписывать ее, получать на почте и распространять среди учащихся, таким образом пропагандируя лучшую современную музыку и классику. Издаваемая литература тогда была дешева, и учащиеся с большим желанием покупали ее и заводили свои небольшие личные библиотечки. Кроме нот у нас были и литература о музыке. Были очень популярны малоформатные книжки типа «Музыка — массам», различные сборники в помощь киноиллюстратору и другие. Кооператив пользовался успехом.

Тютрюмова умела проявить заботу о человеке, о своем или чужом ученике. В 1928 году закончила техникум наша «звездочка» — скрипачка Женя Михайловская. Ей, конечно, надо было ехать в Москву продолжать образование, но средств не было, а без них не поедешь. Феофания Николаевна предложила устроить платный концерт в ее пользу. Билеты распространяли мы, учащиеся. Никогда не забуду: маленькая, хрупкая девочка в школьном форменном платье без фартука играла «Трели дьявола» Паганини, а педагоги смотрели на нее с такой любовью! Надежды их оправдались: Женя закончила консерваторию и до конца своих дней работала в оркестре театра Советской Армии.

Однажды Феофания Николаевна сказала, обращаясь к кому-то: «Соколова (Т. Н. — ее ученица) больна. Она ведь в Томске одна, без семьи. Вдруг что-то серьезное, надо к ней сходить». Не сомневаюсь, что без помощи и внимания Соколова не осталась.

Вечера отдыха в техникуме бывали очень редко, так как

предвыходные, выходные и праздничные дни все мы были заняты на концертах. Но однажды был такой вечер, на котором возник шутливый спор: «Кто кого?» А. Пешков, тогда еще студент, уверял, что может танцевать без конца, а Феофания Николаевна со смехом уверяла, что она может играть вальс дольше, чем Пешков будет танцевать.

— А ну, давайте! — Феофания Николаевна села за рояль и засиграла вальс. Это была импровизация, попурри из вальсов. Пешков со своей дамой носился в вихре вальса и подтрунивал над Фофочкой:

— А мы еще не устали!

Больше часа они танцевали, я наблюдала, любуясь игрой Феофании Николаевны... Победила она, Алексей сдался.

А теперь об одном неординарном факте. В 20-х годах, когда себе постановку руки, а потом сделала это всему классу, запретив в течение месяца играть что-либо, кроме упражнений, укрепляющих новую постановку руки. Недавно я прочитала изданную у нас в переводе с чешского статью, где детально разбиралась постановка руки, введенная у нас еще Феофанией Николаевной Тютрюмовой, которая проявила силу воли и убежденность в своей правоте, что необходимо изменить постановку руки, если это во благо для пианиста. Она была явно на уровне передовых требований, получивших отражение в чешской статье, спустя 50 лет.

Свои педагогические принципы Феофания Николаевна показывала наглядно. Как-то в классе готовились провести репетицию какого-то ответственного концерта. Все разговаривали, было шумно, и вдруг голос Феофании Николаевны:

— Товарищи! Что же мы время теряем? Надо начинать.

— Нельзя, не пришел еще... такой-то..., а он начинает.

— Что играет?

— Похоронный марш Шопена...

Феофания Николаевна молча села за рояль и исподнила на память «Траурный марш» Шопена, причем исполнила так, что у меня захватило дыхание и я чуть не плакала. Тишина стояла полнейшая, все застыли. И вот последний аккорд...

— Ой,— тихо, почти шепотом произнесла Катя Феофилова, прижимая руки к груди со слезами на глазах. Феофания Николаевна улыбнулась уголками губ: она давно поняла, что крепко взяла в руки только что гудевшую здесь массу. Так покорить аудиторию может только большой художник!

Где-то в 20-е годы в переполненном зале дома офицеров отмечался юбилей Феофании Николаевны и Якова Соломоновича. Они сидели в президиуме на сцене, впереди — большие корзины

живых цветов. Звучат поздравления, предельно скромная Феофания Николаевна держит ответное слово... Так и запомнилась она мне: всегда в темном строгом платье с закрытыми часиками на груди по моде того времени. Пара Медлин и Тютрюмова казалась неразлучной. Они же внешне были похожи: на улице ходили в мужских фетровых шляпах, покрывающих естественно выющиеся, красиво лежащие, тронутые сединой короткие волосы, они были олицетворением музыкального дуэта.

Однажды, в недобрый день «черный ворон» увез Якова Соломоновича, названного «врагом народа». На одном из собраний в музыкальном техникуме председательствующий поставил вопрос:

— Кто за то, чтобы считать Медлина «врагом народа»?... Кто против?... И поднялась маленькая ручка Феофании Николаевны.

— Почему?

— Я не уверена в этом,— был ее ответ. Через несколько дней она поехала в Новосибирск, чтобы попытаться спасти Якова Соломоновича, но...

Вскоре исчезла и она сама.